

ФАТАЛИСТКА ВЕРА КУЗЬМИНИЧНА

Вет. Москва — 2000. — 29 сент. — с. 5

Анатолий МЕЛИХОВ

«Своей» героиней народная артистка России Вера Васильева считает «женщину с ясной душой». Именно с такой роли все и началось — с Настеньки в фильме Ивана Пырьева «Сказание о земле Сибирской». Обрушившейся известности студентка театрального училища тогда испугалась: ведь ей даже не пришлось играть. **Она просто была собой — румяной, ясноглазой и веселой, какой все ее помнили с детства.** Она ходила в школу, в театральный и хоровой кружки. Дома, помогая маме делать уборку, надевала огромную шляпу и пела. Во дворе Верочку прозвали Шаляпиным. В Театре сатиры Васильева играет более пятидесяти лет.

Наталья СКЛЯРОВА

— Вера Кузьминична, одна актриса мне рассказывала, что она каждое утро встает перед зеркалом и зажигает глаза. Похоже, и вы так делаете?

— Мне иногда говорят, что когда я рассуждаю о театре, то начинаю «светиться» (Васильева удивленно взглядывает на себя в зеркало). Но специально такой «гимнастикой» не занимаюсь.

— Но наверняка вы следите за здоровьем, внешностью?

— Слава Богу, следить пока не

приходилось. Зарядку делать не умею, а вот в еде приходится себя ограничивать. Я люблю поест, но как только представлю, что стану толстой, выйду на сцену, и люди скажут: «Как — это она?! Да она уже не годится для этой роли!» — сразу перестаю есть. Если человек махнул сам на себя рукой, он уже не может быть интересен никому. А пока хочешь жить, можно позволить себе хотеть многого.

— Сила характера — это у вас наследственное?

— Мама была очень неприхот-

лива. Я даже не знаю, можно ли назвать ее оптимисткой. Она считала: нет чего-то — и не надо. А папа просто был добрым человеком, и жизнь в целом принимал благодарно.

— Когда вы сыграли свои первые роли в кино, о вас заговорили как о звезде. Вы себя ею ощущали?

— Мне все это казалось случайностью, и это чувство не прошло до сих пор. Я понимаю, что кому-то симпатична, и это приятно. Но не более того. По-моему, в нашей профес-

сии вообще невозможно что-то себе «создать». Мне свойственно ощущение судьбы.

— А как же труд?

— Труд — обязательно. Но возможность трудиться дарована судьбой. Если способность есть, ее надо оправдывать. Пока можешь работать, надо требовать от себя все больше и больше. Когда есть работа, я всегда чувствую себя моложе лет на двадцать.

— Неужели не устаете?

— Устаешь от простого. К сожалению, они случаются. Тогда жизнь становится бессмысленной.

— Вам нравится, когда вас узнают на улице?

— Такое бывает почти каждый день. Куда ни пойду, мне везде улыбаются, желают здоровья, говорят добрые слова. Иногда незнакомые женщины бросаются меня целовать прямо на улице. Я пытаюсь поставить себя на их место: могла бы я поступить так же? Наверное, нет.

— Правда, что вы ездите на общественном транспорте?

— А это странно?

— Странно.

— Почему? Мне нравится ездить в метро. Просто в свое время не научилась водить машину. Наверное, это не для моего характера. Я достаточно нерешительна. Единственное проявление смелости с моей стороны — то, что я играю еще в других театрах. В Театре сатиры у меня своя публика, а за его пределами... Всегда очень волнуюсь. Вдруг не поймут, вдруг скажут: «С какой стати она претендует на эту роль?»

— Вы не пробовали завести себе учеников?

— Нет. Все по той же причине: педагог должен быть уверен в себе, а я из сомневающихся. Помню своего учителя Владимира Яковлевича Хенкина. Меня поразила его доброта, эти чудные морщинки вокруг глаз; он так переживал за меня, когда на вступительных экзаменах я читала монолог Липочки из пьесы «Свои люди — сочтемся». Вообще, для меня очень многое зависит от человеческих глаз. Когда на тебя смотрят безразлично — ничего не получается.

— Вера Кузьминична, вас три раза избирали депутатом Моссо-

вета. Вам нравилась общественная работа?

— Мне нравилось помогать людям. Для кого-то удавалось «выбить» квартиру, кого-то обеспечить социальной помощью. Но тогда был очень важен мой авторитет: стоило позвонить «наверх» по телефону и попросить. А сейчас все определяется тем, что в бюджете нет денег. Знаете, как часто врачи отказываются лечить стариков: все равно им скоро умирать! Это ужасно.

— А вы сами лучше стали жить или хуже?

— Не знаю... Наверное, я как жила, так и живу. Тогда играла — и сейчас играю. Значит, одинаково. Безумно богатой я никогда не была, да и быт меня особо не беспокоит.

— Но дома вы сами все делаете?

— Очень не люблю убираться. А готовить могу, но умею немного.

— А свободное время как проводите? Я слышала, вам нравится «Санта-Барбара»?

— А вам нет? Почему? Очень хороший фильм, и актеры там играли талантливые. Правда, потом они начали меняться, а сюжет стал просто скучным, и я перестала смотреть. Другие сериалы не люблю, а из телевизионных передач мне интересны только новости и интервью.

— У вас много друзей среди актеров?

— Отношения хорошие со всеми, но если не играешь в одном спектакле, то кого-то можешь не видеть по пять лет. Москва очень суетлива. Вообще, я люблю одиночество, круг близких людей у меня узкий. А подруга вообще только одна.

— Актриса?

— Нет, мы дружим уже шестьдесят лет, жили рядом, вместе ходили в драмкружки. Я хотела быть актрисой, а она поступила на театроведческий факультет. Так и общаемся до сих пор.

— Вы много ездили во время «железного занавеса». Что больше всего удивляло за границей?

— Я смотрела на людей и думала: надо же, такое изобилие, такая культура, так хорошо живут — и всего лишатся, когда во всем мире победит социализм! Мне их всегда было так жалко! В том, что социализм победит, мы не сомневались.